

## Таганка.

Театр драмы  
и трагедии

«Я пригласил Вас, господа, чтобы сообщить пренебрежительное известие», — с этой гоголевской цитаты начал свою недавнюю пресс-конференцию художественный руководитель Театра драмы и комедии на Таганке Юрий Любимов.

А накануне вечером, после известных скандальных событий у служебного входа театра, и зрителям вышел Николай Губенко и вместо текста роли в объявленном спектакле «Владимир Высоцкий» произнес следующее: «У нас случилось большое несчастье...».

Два полюса конфликта: Любимов и Губенко — сошлись, однако, в оценке: на Таганке сегодня «пренебрежительно», здесь — «несчастье».

Волей журналистской судьбы я возвращаюсь на больную, взбудораженную Таганку в третий раз. Первый раз (см. «Рабы любви», 15 февраля 1992 г.) на стол передо мной легли протоколы собраний коллектива театра — сгусток горчайших обид, растерянности и страха. Документ, зафиксировавший тот момент, когда у людей рухнули надежды на бывшее взаимопонимание и любовь, когда утрата общей идеи театра стала очевидной и откровенно тормоза, и посыпались оскорбления, и все смешалось, запуталось, дошло до крайности...

Второй раз — печально памятное 2 апреля (см. «Страсти на Таганке», 4 апреля 1992 г.). Милиция у служебного входа театра. Журналисты. Зрители. Николай Губенко с актерами, с одной стороны, дирекция — с другой. Распоряжением Ю. Любимова Губенко отстранен от роли в спектакле «Владимир Высоцкий». Он протестует. Вместе с ним — большая группа актеров. Долгий и таинственный конфликт Учителя с частью своей труппы вылился в этот вечер в откровенно скандальное, чуть театральное (актеры есть актеры) и очень публичное действие. В него был вовлечен и зритель. Вместо театральные монологи артисты и режиссер несли со сцены «отсебятину», выступали с разъяснениями и обвинениями в адрес друг друга.

Я видела перед этим взволнованную толпу у служебного входа, взвинченных зрителей, прорвавшихся к кабинету Любимова и бросающих ему в лицо слова, которые не пристало говорить признанному Мастеру. Видела бледное, застывшее в брезгливой и гордой растерянности лицо Мастера. Это было невыносимо. Я повернулась обратно к выходу и, блуждая в закулисных лабиринтах, внезапно увидела в конце полутемного коридора хрупкую фигуру с тростью в руке. Подошла ближе: на белой двери черной краской был в полный рост нарисован Чарли Чаплин. Одинокий маленький человек... Великий актер, одна из муз прежде блистательной Таганки... Он будто укрывался от того, что происходило с его «коллегами» внизу, в служебном фойе. Только бы не видеть этих лиц: бледный, со скорбно сжатыми губами Николай Трофимов, Леонид Филатов, глотающий валидол и прикуривающий одну сигарету от другой... Боже, как грустно, как страшно! Театр, в котором вместо спектакля зрителю предлагают картину внутренних распрay, — уже не театр. Что-то непоправимое случилось с профессией, что-то трагически сдвинулось на самый край бездны...

На следующий день Любимов дал пресс-конференцию: «С Губенко не хочу и не буду работать», — сказал он. Через два дня — пресс-конференция Губенко: «Все годы, после 1983-го, когда Любимов покинул страну, труппа ждала возвращения Учителя. Все, что я давал на посту худрука, служило одной цели: вернуть в театр Любимова и его спектакли».

Контракт Ю. Любимова с мэром Москвы, в котором ого-

варивалось приоритетное право режиссера на приватизацию театра, подавляющая часть труппы восприняла как предательство Учителя по отношению к актерам, верившим ему. Они увидели в этом контракте не только перспективу массовых сокращений. Их обидело само отношение Мастера. «Все было сделано за нашей спиной», — сказала актриса Елена Габеева. — Нас просто не считают за людей».

Любимов же возмутили методы коллективного волеизъявления, все эти собрания, демонстрации перед служебным входом. И то правда. Театр действительно сегодня похож на поле сражений. Изнурительных и, главное, бесплодных.

Что же остается нам, зрителям, критикам, журналистам? Меньше всего нам бы хотелось заглядывать на «кухню». Но мы так любили Таганку, прожили с ней такие великолепные минуты жизни. И теперь больно сознавать, что, кажется, теряем ее, прежнюю, безвозвратно.

Исчерпанность общей идеи, взаимная усталость, потеря интереса — этот «семейный» синдром очень характерен для стационарного отечественного театра, построенного по законам семьи. Психология взаимозависимости «отца» и «детей», причем взаимозависимости во всех сферах жизни — от творческих до материальных — по-прежнему тяготевает над нашими театральными организациями. А контрактная система, на которую вскоре суждено перейти нашим театрам, столь же непривычна, сколь несовершенна и ставит тяжелые вопросы перед всеми стационарами. Хочешь — не хочешь, но сегодня разрушается привычный менталитет. В том числе и мощный «отцовский» менталитет Таганки. Его жертвами стали и актеры, и сам аксисный независимого, «западного» способа жить Мастер. Ведь в конечном счете кто, как не он сам, многие годы воспитывал в своих актерам эту беспредельную веру и преданность, это восторженное «коллективное» сознание, это монолитное «чувство локтя». Оно помогало группе сохранять себя. Оно же и ударило обратной своей стороной по другому большому Мастеру, пришедшему в этот театр, Анатолию Эфросу, и обернулось трагедией. Впрочем, это была первая трагическая страница и для самой Таганки. Теперь — вторая. А механизм — тот же.

Какую же огромную силу имеют в отечественном театре хрупкие человеческие материи: вера, любовь, единение, солидарность! Они создают, они же и разрушают беспощадно. Синдром Таганки симптоматичен для всех нас, как бы ни пытались мы обособлять правоту противоположающихся сторон.

Что же будет с театром, в котором разрушены вера и любовь? И на что же осталась надежда? На порядочность и здравый смысл конфликтующих? Или на совершенство неких правовых механизмов и нашей вселенской неразберихи?

Одни вопросы... Грустная улыбка Чарли на белой закулисной двери. Рука тянется к котелку... Наужели снимат шляпу и печально помашет вслед легендарной Таганке, нашей уходящей любви?

Наталья КАМИНСКАЯ